

5. Заговор «Деревянных Башмаков»

На пляже околачивался этот тип.

Жутко бородатый, плотный, приземистый, злобного вида, с машиной, полной опасного оружия: этот тип. Ничего не делал; ничего не говорил; глазел.

Они его игнорировали. Второй проводник — помощник Смита не явился. Вообще не явился. Смит оснащал и готовил его лодку сам, жуя вяленое мясо. Он послал свою подругу на пикапе в Пейдж забрать пассажиров, прилетавших нынче утром.

Этот тип все наблюдал. (Когда вся работа будет сделана, наверняка попросит какой-нибудь работы).

Рейс 96 опаздывал, как обычно. Наконец он вынырнул из-за тучи, пророкотал над головой, накренился, развернулся и приземлился против ветра на жестко очерченной взлетно-посадочной полосе аэропорта Пейдж. С одного конца ее ограничивала высоковольтная линия электропередач, с другого — трехсотфутовая скала. Сам аэроплан был двухмоторный, с реактивными двигателями, совершенно антикварного вида; возможно, он был построен еще в 1929 году (год краха); с тех пор, похоже, его несколько раз перекрашивали, как старый автомобиль, слегка подкрашенный для продажи со стоянки на углу. Недавно кто-то покрыл его одним толстым слоем желтой краски, которой не удалось, однако, полностью скрыть предыдущий зеленый слой. За круглыми стеклянными иллюминаторами по его бокам видны были белые лица пассажиров: они тарасились, крестились, их губы двигались. Самолет свернул с посадочной полосы, направляясь к крытой бетонной площадке. Двигатели дымили, рычали и выбрасывали снопы искр, однако их мощности хватило все же, чтобы дотянуть самолет почти до самой зоны посадки-высадки пассажиров. Здесь двигатели заглохли, и самолет остановился. Диспетчер полетов, билетный кассир, менеджер и носильщик аэропорта Пейдж вытащили защитные вкладыши из ушей и спустился со своей открытой диспетчерской вышки, застегивая ширинку.

Черный дым окутал правый двигатель. Изнутри послышалось какое-то тиканье; крышка люка открылась, ее опустили вручную, и она превратилась в трап. В отверстии люка появилась стюардесса.

Рейс 96 высадил двух пассажиров.

Первой вышла женщина. Молодая, красивая, ладная, с высокомерным видом; ее темные блестящие волосы ниспадали ниже пояса. На ней было надето кое-что, не так уж много, в

частности, короткая юбка, открывавшая загорелые, безупречной формы ноги.

Ковбои, индейцы, мормоны-миссионеры, чиновники и прочие нежелательные лица, слонявшиеся вокруг аэровокзала, уставились на нее голодными глазами. Город Пейдж, Аризона, с населением 1400 человек, включает 800 мужчин и, быть может, три — четыре привлекательных женщины.

Следом за молодой женщиной вышел мужчина средних лет, впрочем, его пегая борода и очки в металлической оправе могли делать его старше, чем он был на самом деле. Нос его, неправильной формы, очень крупный, приветственно сверкающий, блестел, как полированный помидор, под ослепительно ярким белым солнцем пустыни. В зубах — дешевая сигара. Прилично одетый, похожий на профессора. Моргая, он надел соломенную шляпу, — это помогло, — и пошел, прихрамывая, рядом с женщиной к двери аэровокзала. Он башней возвышался над нею. Однако, невзирая на это, все присутствующие, в том числе и женщины, не сводили с нее глаз.

Несомненно. Под широкополой соломенной шляпой, в огромных темных очках, она была похожа на Гарбо. Ту, старую Гарбо. Еще молодую Гарбо.

Подруга Смита поздоровалась с ними. Высокий мужчина взял ее руку, которая исчезла в его огромной лапе. Но его рукопожатие было точным, деликатным и крепким. Хирург.

— Верно, — сказал он. — Я — доктор Сарвис. А это — Бонни. Голос его казался странно мягким, низким, меланхоличным, исходящим из такого величественного (или крупного) организма.

— Мисс Абцуг?

— Миз Абцуг.

— Зовите ее Бонни.

В пикап, — непромокаемые и спальные мешки — в кузов. Они проскочили Пейдж, мимо тринадцати церквей Иисуса Христа, через официальные государственные трущобы, трущобы строительных компаний — жилые вагончики рабочих, в традиционные трущобы пастухов — индейцев навахо. Хворые лошади бродили вдоль автотрассы в поисках чего-нибудь съедобного — газет, бумажных салфеток, пивных банок, чего-нибудь более или менее разлагающегося. Доктор разговаривал с водителем; мисс Абцуг держалась отчужденно и по большей части молчала.

— Какая омерзительная местность, — однажды проронила она. — Кто здесь живет?

— Индейцы, — сказал Док.

— Она слишком хороша для них.

Они ехали через Динамитное ущелье, к Горьким ключам и Мраморному каньону, под параноидными горгульями зубчатых гор юрского периода, возвышавшихся над ними, к Лиз Ферри, к речным запахам водорослей, грязи, зеленых раки. Раскаленное солнце бушевало в небе, голубом, как покров Пречистой Девы, четко очерчивая своим невероятно расточительным светом резкую красоту скал, ликующую реку, подготовку к большому путешествию.

Новый раунд знакомств.

— Доктор Сарвис, Миз Абцуг, Редкий Гость Смит ...

— Рад познакомиться с вами, сэр; с вами тоже, мэм. Вон там вот Джордж Хейдьюк. За кустом. Он будет негром номер два в нашем походе. Скажи что-нибудь, Джордж.

Тип пробормотал нечто невразумительное из-под бороды. Он смял в руках банку из-под пива, швырнул обломки в ближайший мусорный бак, промазал. Теперь на нем были драные шорты и кожаная шляпа. Глаза его были красны. От него несло потом, солью, грязью, несвежим пивом. Доктор Сарвис, подтянутый, с тщательно ухоженной бородой, исполненный чувства собственного достоинства, отнесся к Хейдьюку сдержанно. Вот из-за таких Хейдьюков борода стала ругательным словом.

Смит, поглядывая на них со счастливой улыбкой, казался вполне довольным своей командой и пассажирами. Особенно мисс Абцуг, на которую он изо всех сил старался не глядеть. Но в ней было что-то, ох, было что-то. Смит чувствовал там, внизу живота, слабые, но безошибочные ощущения — почесывание, подергивание, — что было несомненной прелюдией любви. Сладостные, как валентинка, они не могли означать ничего иного.

Примерно к этому времени прибыли и остальные пассажиры — две секретарши из Сан Диего, старые подруги Смита, не новички, побывавшие уже с ним во многих речных походах. Перекусив консервами, сыром, крекерами, пивом и лимонадом, они отправились в путь. Второй проводник, помощник Смита, так и не явился, вот Хейдьюк и получил работу.

Мрачный и молчаливый, он сложил кольцами чалку, сильно оттолкнул лодку от берега и вкатился на борт. Лодка поплыла по течению реки. Их лодка, — не совсем, собственно, лодка — представляла собою три резиновых плота на десять человек каждый, плотно принайтованных друг к другу бортами, — тримаран, громоздкое и неуклюжее с виду сооружение, однако самое подходящее для преодоления порогов и водоскатов. Пассажиры заняли место посередине, гребцы — Смит и Хейдьюк — стояли или сидели по бортам. Водитель Смита помахала им с берега рукой на прощанье. Она казалась грустной. Они увидятся только через две недели.

Деревянные весла скрипели в уключинах; судно продвигалось вперед по течению, которое теперь будет нести их со средней скоростью четыре-пять миль в час почти через весь каньон, а на порогах — гораздо быстрее. Хейдьюк и Смит гребли лицом вперед, как на гондолах, а не на гребных лодках, толкая (а не подтягивая) весла. Перед ними сияла река, вода бурлила у первого изгиба. Смит держал в зубах полоску вяленого мяса.

Освещаемые сбоку послеполуденным солнцем, катящиеся воды блистали, как металл на наковальне, как медный лист, отражая каждой своей гранью огненное небо. А на востоке в это время, мягко сияя на темном небосводе над красными стенами каньона, повисла молодая луна, как безмолвный ответ триумфальному сиянию солнца. Молодая луна среди дня, лучезарное солнце — впереди.

Вниз по реке!

Хейдьюк решительно ничего не знал о речных походах. Смит знал, что тот ничего не знал. Но, поскольку пассажиры не обнаружили этого с самого начала, то это не имело особенного значения. Что действительно имело значение для Смита — так это его широкая и мощная спина, руки, как у гориллы, короткие сильные ноги. Этот бычок достаточно быстро научится всему, чему он должен научиться.

Они подошли к порогам Парья под отвесной скалой, где жили смотрители парка. Туристы глазели на них с холма, где расположился новый палаточный лагерь. Смит встал, чтобы лучше видеть камни и бурлящую воду прямо перед ними. Ничего особенного, небольшая быстрина, Класс I по шкале проводников. Водовороты зеленой воды вокруг нескольких зубцов известняка — лоснящаяся гладкая вода с пенной каймой. Рев воды без определенного тона — акустики называют его «белый шум» — вибрировал в воздухе.

Как было условлено, Хейдьюк и Смит развернули свое судно на 90° и направили его борта (это дурацкое сооружение было больше в ширину, чем в длину) на стеклянный язык первого небольшого порога. Они проскользнули без единого всплеска. Хвост завихрения вынес их прямо к месту слияния серых жирных бентонитовых вод Парьи с прозрачной зеленой водою нижнего бьефа Колорадо. Их скорость упала с 12 миль в час до прежних четырех — пяти.

Хейдьюк отдышал, усмехаясь. Вытирал воду с бороды и бровей. Ну, хрен чертов, думал он, это ж ерунда. Чем я, черт подери, не натуральный речник?

Они прошли под мостом Мраморного каньона. Если смотреть сверху вниз, то высота не казалась такой уж значительной — не с чем было сравнивать. Но, глядя вверх с поверхности реки, они осознали, что значит — четыре сотни футов по вертикали: около тридцати пяти этажей небоскреба отсюда дотуда. Автомобиль, ползший по мосту, казался игрушечным; туристы, стоявшие на обзорной площадке, — муравьями.

Мост остался позади, скрылся за поворотом стен каньона. Теперь они вошли в Мраморное ущелье, известное также под именем Мраморного каньона, — реку длиной шестьдесят миль, на три тысячи футов ниже уровня земли, ведущую к Большому каньону в устье реки Малой Колорадо.

Редкий Гость Смит, как обычно, перебирал в уме свои воспоминания. Он вспоминал настоящую Колорадо, до этого проклятого перекрытия, когда река текла свободно — не скованная, не растерзанная каналами — веселыми паводками мая и июня, переполняемая тающими снегами. Огромные валуны гремели, и хрустели, и щелкали, грохотали и ворчали о каменистое ложе реки — как гигантские жующие коренные зубы в челюсти великана. Вот какой была эта река.

Однако, пусть и так, — не все еще потеряно. Искристые лучи послеполуденного солнца янтарным золотом косо падали из-за стен каньона на скалы и деревья, как безмолвное благословение с безоблачных небес. Бледная вафля молодой луны, то исчезая, то снова появляясь, следовала за ними. Добрая волшебница, королева фей, охраняла их.

Снова белый шум. Впереди — новые пороги. Смит отдал распоряжение застегнуть спасательные жилеты. Они прошли еще один поворот. Шум тревожно нарастал, и ниже по течению, куда все теперь напряженно смотрели, они увидели камни, торчащие, как зубы, над гребнем белой пены. Оттуда река, по-видимому, уходила под землю; по крайней мере, с их уровня за порогами ее совсем не было видно.

— Барсучьи пороги — объявил Смит. Он снова встал. Класс 3, ничего серьезного. Но он все равно хотел хорошенько их рассмотреть, прежде чем нырнуть в них. Он стоял и читал реку так, как иные читают цифры финансовых счетов, или вспышки на экране радара, или признаки завтрашней погоды в формах далеких облаков. Он высматривал плотную струю, означающую скрытый под водою каменный зубец, раздробленное течение в мелких, дробных волнах, означающее камни и мели, тень на воде, которая говорила ему о полосе гравия всего в шести дюймах под поверхностью, крюк и сук затопленного бревна, которые могут распороть днище его резиновых лодок. Он прослеживал взглядом за хлопьями пены, скользящими по поверхности основного течения, почти незаметной рябью и мелкими завихрениями на его крыльях.

Смит читал реку, женщины тем временем читали его самого. Он не представлял себе, насколько комично и в то же время героически он выглядел — мужчина Колорадо. Вот он стоит, опираясь на весло, щурясь на солнце, длинный, тощий, смуглый, какой когда-то была и сама река, его безупречно белые, сильные зубы сверкают в привычной улыбке, округлая мощная выпуклость оттопыривает ширинку его древних джинсов, большие настороженные уши ловят каждый звук. Приближаются пороги.

— Все легли, — командует Смит. — Взялись за канат.

В яростном шуме бушующей воды масса реки обрушивалась на валуны, веером расходящиеся в устье притока, Барсучьего каньона. Глубокая, глухая вибрация в воздухе, туман мелких брызг заполняет его, маленькие радуги играют в солнечных лучах.

Они снова развернули свое судно. Смит мощно налегает на свое весло, стоя на носу, направляя лодку прямо на водоскат — маслянисто-гладкую волну главного течения, ливнем обрушивающуюся прямо в сердце этого рева. Не нужно обманываться — незначительный порог; его клиенты получают достаточно страха за свои деньги, — за что они, собственно, и платили.

Восьмифутовая волна возносится над Смитом, сжавшимся на носу. Волна так и стоит там, поджидая их, не движется. (На реке, в отличие от моря, движутся воды, а волны неподвижны). Передняя часть лодки вздымается на эту волну по инерции, подталкиваемая усилием сзади. Смит повисает на линиях. Их тримаран почти складывается пополам, затем передняя треть взбирается на гребень волны и соскальзывает вниз, к ее подошве; средняя и

крайняя трети повторяют ее движения. Огромный валун, мокрый, сверкающий, намертво врос прямо перед ними, по курсу лодки. Она на мгновение замирает перед ним. Тонна воды, откатившись рикошетом от валуна, обрушивается на лодку. Все мгновенно промокают до нитки. Женщины взвизгивают от восторга, даже Док Сарвис хохочет. Смит налегает на весло; лодка скатывается с валуна и кренится, и перекачивается на волнах хвоста быстрины, как на американских горках; затем ее движение замедляется на более спокойной воде ниже по течению. Смит оглядывается. Он потерял гребца. На том месте, где должен находиться Хейдьюк, нет никого — только весло без гребца свободно качается в уключине.

Вон он, появился. Хейдьюк в своем оранжевом спасжилете болтается на волнах, оскалившись от яростного напряжения, скорчившись, колени под подбородком, в позе эмбриона, пользуясь ногами как амортизаторами, отталкиваясь и отскакивая от камней. Инстинктивно верная реакция. Потерял свою шляпу. Не издает ни звука ...

В более спокойной воде за водоскатом они втащили его на борт.

— Где ты был? — спросил Смит.

Ухмыляясь, отплевываясь, Хейдьюк тряс головой, пытаясь вытрясти воду из ушей. Он умудрялся выглядеть одновременно и свирепо, и глуповато-застенчиво.

— Чертова река, — пробормотал он.

— Надо было держаться за лить, — сказал Смит.

— Я держался за чертово весло. Его нанесло на камень, и оно как дало мне прямо в живот, — он нервно сгреб спутанную массу своих промокших волос. По волнам за ними плыла его шляпа — старое кожаное сомбреро из Соноры — готовая утонуть в третий раз. Они извлекли ее с помощью весла.

Река спокойно несла их дальше, через плато, в докембрийскую мантию Земли, к низменности, дельте и морю Кортеса, в семисот милях от них.

— Впереди — Мыльные пороги, — сказал Смит. И, конечно же, они услышали мятежный шум воды, бьющейся о камни. За следующим поворотом.

— Это потрясающе, — тихонько сказала Абцуг, обращаясь к Доку. Они сидели, тесно прижавшись другу к другу, связанные одним пончо, укрывавшим их колени и ноги. Она лучилась восторгом. Вода капала с чересчур широких полей ее шляпы. Кончик сигары Дока бодро светился во влажном воздухе.

— Абсолютно потрясающе, — подтвердил он. — Как тебе нравятся наши гребцы?

— Странные; высокий похож на Исхабода Игнаца; низкорослый напоминает бандита из какого-то старого фильма Мака Сеннета.

— Или Харон и Цербер, — сказал Док. — Но постарайся не смеяться; наша жизнь сейчас находится в их ненадежных руках, — и они снова расхохотались.

Теперь они все вместе нырнули в следующий водоворот, — Класс 4 по шкале речных проводников. Снова — скрежещущая река, вздымающиеся валы, битва природных стихий, тупая, безумная ярость бесконечных тонн неодолимой воды, обрушивающихся на тонны неподвижного известняка. Они почувствовали удар, они услышали рев, увидели пену, и брызги, и радуги, плывущие в тумане, когда они выбрались из хаоса на спокойную воду. Когда они взлетали высоко на волну, адреналин приключений бушевал в их крови, не оставляя времени и места для страха.

Для Смита это было сорок пятое путешествие вниз по Каньону, но удовольствие от этого ничуть не утрачивало своей новизны, насколько он мог его измерить. Но за все это время не было двух совсем одинаковых походов. Река, каньон, мир пустыни постоянно менялись, от мгновения к мгновению, от чуда к чуду, в рамках прочной реальности матери-земли. Река, скалы, солнце, кровь, голод, крылья, радость — все это подлинная реальность, сказал бы Смит, если б захотел. Если бы он так чувствовал. Все прочее — двуполая теософия. Все прочее — трансцендентальная трансвеститская трансконтинентальная наукология или там любая прихоть дня, мода недели. Как сказал бы Док, если бы Смит у него спросил. Спроси у сокола. Спроси у голодного льва, что преследует умирающего с голода оленя. Они знают.

Так размышлял Смит. Всего лишь маленький бизнесмен, уточним. Никогда даже колледжа не посещал.

В торжественной тишине, наступавшей между перекатами, — а это случалось большую часть пути, — Смит и Хейдьюк отдыхали, опершись на свои весла, и тогда песнь обитательницы каньона, маленькой крапивницы — чистое глиссандо быстрых шестнадцатых нот — смешивалась со звоном капли, журчанием воды, криком диких гусей, шуршаньем ящериц в пыли на берегу. Между порогами — не тишь, а музыка и покой. Стены каньона становились все выше и выше — 1000, 1500, 2000 футов, река постепенно опускалась, тени росли, а солнечный свет слабел.

Подземный холод обволакивал их.

— Пора устраивать привал, братцы, — объявил Смит, поворачивая лодку к берегу. Хейдьюк энергично подгрел своим веслом. Впереди, совсем недалеко от них, на правом берегу был песчаный откос, окаймленный медно-зелеными раkitами и кустами тамариска с гребешками лаванды, качавшимися на ветру. И снова они услышали зов крапивницы — маленькой птички с большим клювом. Но музыкальной, удивительно музыкальной. И отдаленный рев новых перекатов, — звук, напоминающий бесконечные аплодисменты гигантской, неутомимой аудитории. Ворчание, тяжелое дыхание двух работающих мужчин, скрип весел в уключинах. Негромкий разговор пассажиров первого класса.

— Копайте сцену, Док.

— Без технического жаргона, прошу вас. Это святое место.

— Оно-то так, а только где же кокс?

— Прошу вас, — я медитирую.

Нос лодки со скрежетом вытасчен на гравий. Хейдьюк, разнорабочий, смотал кольцами литья на руке, прошлепал по воде и привязал лодку к плотным зарослям ивняка. Все сошли на берег. Хейдьюк и Редкий передали каждому пассажиру его/ее мешок, прорезиненную подстилку, небольшие коробки с личными вещами. Пассажиры направились в разные стороны — Док и Бонни в одну, две женщины из Сан Диего — в другую.

Смит помедлили минутку, разглядывая удаляющуюся фигуру мисс Абцуг.

— Есть в ней что-то, разве нет? — сказал он. — В ней точно что-то есть, а? Он прикрыл один глаз, словно глядя сквозь дуло винтовки. — Да уж, эта крошка — прелесть что такое. Пальчики оближешь.

— Сучка есть сучка, — сказал Джордж Хейдьюк, философ, не потрудившись даже взглянуть.
— Будем сгружать все это барахло сразу?

— Почти все. Давай покажу.

Они вытащили тяжелый багаж, большие ящики с провизией, коробку со льдом, большой деревянный сундук с кастрюлями, сковородками, голландской плиткой, решетками, другой посудой, и выгрузили все это на песок. Смит очертил на песке площадь для своей кухни, и установил там свою плиту, раскладной стол, склад провизии, бар, черные маслины и жареные маленькие моллюски. Он отбил по маленькому кусочку льда для каждой пустой чашки, которые вскоре будут наполнены, и плеснул по глоточку рома Хейдьюку и себе. Пассажиры все еще были где-то в кустах, переодевались в сухое, утеплялись незаметно, готовясь к прохладе вечера.

— Ну, за тебя, матрос, — сказал Смит.

— Хоа бинь, — ответил Хейдьюк.

Смит приготовил костер из угля, содрал оберточную бумагу с традиционного блюда первой ночи — огромных отбивных, — и сложил их стопкой около решетки-гриля. Хейдьюк приготовил салат, и, по завершении этого дела, запил ром банкой пива — десятой после обеда.

— Из-за этой дряни у тебя будут камни в почках, — заметил Смит.

— Чушь.

— Камни в почках. Уж я-то знаю.

— Всю жизнь пью пиво.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать пять.

— Камни в почках. Лет через, может, десять.

— Чушь.

Пассажиры, сухие и свежие, появились поодиночке, и подошли, один за другим, вслед за доктором. Он поставил свою жестяную кружку на стол, устроил в ней один миниатюрный айсберг и налил себе двойную порцию из своей бутылки — Дикой Индейки—.

— Прекраснейший вечер, спокойный, прохладный и свободный, — провозгласил он.

— Что верно, то верно, — сказал Смит.

— Святое время безмолвно, как монахиня-молчальница.

— Мудрено вы говорите, Доктор.

— Зови меня Док.

— Ладно, Док.

— Будьте здоровы.

— Чего и вам желаем.

Последовало дальнейшее обсуждение окружающих красот. Затем разных других вещей. Подошли эта девушка, Абцуг, в длинных брючках и мохнатом свитере. Она сняла свою широкополую шляпу, но даже в сумерках оставалась в темных очках. Она придавала определенный стиль Мраморному ущелью.

Тем временем доктор говорил:

— На реке в наши дни так много людей оттого, что и повсюду в других местах людей стало слишком много.

Бонни, вздрогнув от холода, скользнула под его согнутую левую руку.

— Почему бы нам не разжечь костер? — предложила она.

— Когда-то дикая природа была вполне приемлемым местом обитания для человека, — продолжал доктор. — Теперь она служит психиатрическим диспансером. А скоро и вовсе не станет дикой природы, — он отхлебнул свой бурбон со льдом. — Скоро некуда будет уходить, негде будет спасаться. Тогда сумасшествие станет вселенским, — еще одна мысль. — И вселенная станет сумасшедшей.

— Мы тоже, — сказал Смит, обращаясь к Абцуг. — После ужина.

— Зови меня Бонни.

— Мисс Бонни.

— Миз Бонни, — подправила она его.

— Иисусе Христе, черт дери, — пробормотал поблизости Хейдьюк, подслушивая, и сорвал крышку с очередной банки пива.

Абцуг бросила холодный взгляд на лицо Хейдьюка, вернее, на то, что можно было увидеть за черными волосами, свисающими на лоб, и черной кустистой бородой. Гоблин, думала она. Все волосатые грубы и развратны, считал Артур Шопенгауэр. Хейдьюк поймал ее взгляд, нахмурился. Она отвернулась к остальным.

— Мы в ловушке, — продолжал добродетельный доктор. — Мы попали в железные зубы технологического монстра. Безмозглой машины. С ядерным реактором вместо сердца.

— Мудрено вы говорите, Док, — говорит Редкий Гость Смит. Он уже начал готовить стейки, нежно укладывая их на решетку над тлеющими углями.

— Планетарная индустриализация, — продолжал разглагольствовать доктор, — разрастается, как раковая опухоль. Рост ради роста. Могущество ради могущества. Власть ради власти. Я, пожалуй, положу себе еще кусочек льда. (Звяк!) Хлебните-ка глоточек вот этого, капитан Смит, — это развеселит ваше сердце, позолотит печень и расцветет, как роза, в компосте ваших кишок.

— А что ж, ничего не имею против, Док. Но Смит жаждал понять, как эта машина может расти, — Док объяснял; это было нелегко.

Две женщины из Сан-Диего, не в первый раз участвующие в походе, вынырнули из кустов с довольными улыбками; они расстелили его спальник между своими. Одна из них несла бутылку. Что-то в этих речных походах всегда стимулирует потребление спиртных напитков. Только не Абцуг: она время от времени посасывала свою маленькую сигарету «Зиг-Заг», свернутую вручную, которая тлела в ее изящных пальчиках. Вокруг ее головы витал запах горелой конопля. (Дайте девчонке достаточно марихуаны, и она выкурит ее). Этот запах напомнил Хейдьюку темные дни и еще более темные ночи. Бормоча что-то себе под нос, он накрыл на стол, подал салат, хлеб, початки кукурузы, стопку бумажных тарелок. Смит переворачивал стейки. Док объяснял мироздание.

Летучие мыши — мексиканские длинноносы — мелькали в вечернем воздухе, издавая странные звуки своими радарами, глотая на лету насекомых. Ниже по течению их ждали пороги, скрежеща зубами в постоянном мрачном волнении. Высоко на гребне каньона соскользнул камень — или что-то сдвинуло его с места; как бы то ни было, он потерял свою точку опоры и покатился, кувыркаясь, вниз, с уступа на уступ, растерявшись в объятиях гравитации, в алхимии перемен, — одинокий обломок вселенского вечного движения, — и

бомбой обрушился в реку. Доктор замер на полуслове в середине своего монолога; все прислушалось к замирающему эхо.

— Берите тарелки, — сказал Смит своим клиентам, — и нагружайтесь.

Никто не медлил; он подал стейки. Последним в очереди был Хейдьюк. Пренебрегая тарелкой, он протянул свою казенного образца солдатскую кружку. Смит шлепнул на нее гигантский стейк, прикрывший не только чашку, но и всю ладонь, запястье и часть предплечья.

— Ешь, — сказал Смит.

— Боже праведный, мать твою, — сказал его помощник благоговейно.

Теперь, когда его пассажиры и помощник были накормлены, Смит разжег костер из плавника, валявшегося на берегу. Потом наполнил и себе тарелку.

Темень в каньоне сгущалась, обволакивая их, и все повернулись к огню. Голубые и зеленые язычки пламени лизали и обволакивали речной плавник — рельефные коряги желтой сосны из горной страны в сотне миль отсюда, можжевельник, пиния, тополь, отполированные до блеска щепки багряника, ясеня, каркаса. Глядя вверх за улетающими искрами, они увидели звезды, зажигающиеся с поразительной последовательностью — изумруды, сапфиры, рубины, бриллианты были рассыпаны по небу загадочными, беспорядочными скоплениями. А там, вдали, за пределами всех этих несущихся вскачь галактик, или быть может, слишком вездесущий, чтобы быть видимым, таился Бог. Газообразное позвоночное.

Ужин окончен, Смит принес свои музыкальные инструменты и сыграл для собравшейся компании. Он играл на своей гармонике, — той, которую необразованная публика называет «губной гармошкой», — на своем варгане, называемом также «губной арфой», и на своем казу — духовом музыкальном инструменте, мало, к сожалению, добавившем к музыкальному обогащению каждого.

Смит и доктор передавали по кругу огненную воду. Абцуг, обычно не употреблявшая спиртного, открыла свою сумочку с медикаментами, сняла трубочку с «Тампакса», достала немного травки и скрутила себе вторую маленькую коричневую сигаретку, плотно завертев ее с одного конца. Она раскурила ее и передала по кругу, но никто не хотел разделить с нею это удовольствие кроме сурового Хейдьюка с его воспоминаниями.

— Наркореволюция окончена? — спросила она.

— Полностью, — сказал Док. — В конце концов, марихуана всегда была не более, чем активное плацебо.

— Что за ерунда.

— Соска-пустышка для детей, страдающих коликами.

— Что за вздор!

Беседа не клеилась. Две молодые женщины из Сан-Диего (пригород Тихуаны) запели песню «Мертвый скунс посреди дороги».

Развлекаться больше не хотелось. Усталость сковала тяжестью конечности и веки. Как они пришли, так и расстались, — сначала Абцуг, затем две женщины из Сан-Диего. Сначала женщины. Не потому, что они слабый пол — вовсе они не слабы, — но оттого, что у них оставалось больше здравого смысла. Мужчины на природе считают себя обязанными допить до омерзения, бесконечно бормочут нечто невразумительное, бурчат, шатаясь, как в тумане, падают в конце концов на четвереньки, блюют в невинный песок, оскверняя божественную землю. Мужественная традиция.

Трое мужчин сгрудились поближе к угасающему костру. Холодная ночь заползала им за ворот. Они пустили по кругу бутылку Смита. Потом Дока. Смит, Хейдьюк, Сарвис. Капитан, бездельник, лекарь. Три колдуна в весьма затруднительном состоянии. Какая-то тайная, хитрая близость сплотила их.

— Вы знаете, джентльмены, — сказал доктор. — Вы знаете, что, по-моему, мы должны сделать ...

Хейдьюк только что жаловался на новые ЛЭП, которые он видел в пустыне накануне. Смит все стонал по поводу этой плотины, что закупорила Глен Каньон, сердце его реки, реки его сердца.

— Вы знаете, что мы должны сделать, — повторил доктор. — Мы должны взорвать эту плотину ко всем чертям. (Непристойный язык Хейдьюка несколько развязал его собственный).

— Как? — спросил Хейдьюк.

— Это ж незаконно, — сказал Смит.

— Ты говорил, — ты молился о землетрясении.

— Да-а, так ведь никакого нет же закона против него.

— Ты молился злонамеренно.

— Эт-то верно. Я все время так молюсь.

— С целью нанесения ущерба и разрушения государственной собственности.

— Ваша правда, Док.

— Это уголовное преступление.

— Разве это не просто проступок, наказуемый по суду?

— Это преступление.

— Как? — спросил Хейдьюк.

— Что — как?

— Как мы взорвем плотину?

— Какую плотину?

— Любую плотину.

— Вот теперь ты дело говоришь, — сказал Смит. — Но прежде всех — плотину Глен Каньона. Я требую — ее первую.

— Я не знаю, — сказал доктор. — Это вы — эксперт по уничтожению.

— Могу снести мост для вас — сказал Хейдьюк, — если вы мне добудете достаточно динамита. Но насчет плотины Глен Каньона — я не знаю. Для нее нам может понадобиться атомная бомба.

— Я уже сколько времени думаю об этой плотине, — сказал Смит. — И у меня есть план. Мы достаем три огромных экскурсионных судна, несколько дельфинов и ...

— Помолчи-ка, — сказал Док, поднимая свою огромную лапу. Мгновение тишины. Он оглянулся вокруг, вглядываясь в темноту за костром. — Кто знает, какие уши у этих теней.

Они оглянулись. Пламя их маленького костерка бросало неверный свет на кусты, лодку, наполовину вытасченную из воды, камни и гальку, на пульсацию реки. Все женщины уже спали, их видно не было.

— Да нет тут никого вообще, одни мы, подрывники, — сказал Смит.

— Как знать? Штат может установить свои сенсоры где угодно.

— Не-е, — сказал Хейдьюк. — Они не прослушивают каньоны. Пока что. Не ставят здесь жучков. Но кто сказал, что мы должны начать с плотин? Есть масса другой работы.

— Хорошей работы, — подхватил доктор. — Хорошей, разумной, полезной, конструктивной работы.

— Я ненавижу эту плотину, — вмешался Смит. — Эта плотина затопила самый красивый каньон в мире.

— Мы знаем, — сказал Хейдьюк. — Мы чувствуем то же, что и ты. Но давай подумаем сначала о более простых вещах. Я бы с удовольствием опрокинул несколько опор этих линий

электропередач, которые они понатыкали по всей пустыне. И эти новые жестяные мосты через Хайт. И все эти клятые автодороги, которые они строят по всей этой земле каньонов. Можно потратить целый год только на то, чтобы распотрошить эти их треклятые бульдозеры, черт бы их подрал.

— Слышу, слышу, — ответил доктор. — И не забудь про рекламные щиты. И открытые разработки. И карьеры. И трубопроводы. И новую железную дорогу Черная Гора — Пейдж. И тепловые электростанции на угле. И медеплавильные печи. И урановые шахты. И ядерные электростанции. И компьютерные центры. И скотоводческие компании. И отравителей дикой природы. И людей, бросающих пивные жестянки вдоль дороги.

— Я бросаю пивные жестянки вдоль чертовых дорог. Какого черта я не имею чертова права бросать эти чертовы жестянки вдоль этих чертовых дорог!

— Ну, ну. Не будь таким обидчивым.

— Зараза, — вставил Смит. — Я тоже так делаю. Я загаживаю все дороги, про которые меня не спросили, нравятся они мне или нет. Это моя религия.

— Точно, — сказал Хейдьюк. — Забрасаем их дерьмом.

— Ну, хорошо, — сказал доктор. — Я как-то об этом не подумал. Штабелируйте отбросы вдоль дорог. Швыряйте их в окна. Ну,... почему бы и нет?

— Док, — сказал Хейдьюк, — это освобождение.

Ночь. Звезды. Река. Доктор Сарвис рассказывает своим товарищам о великом англичанине по имени Нэд. Нэд Лудд. Его считали сумасшедшим, но он ясно видел врага. Видел, что происходит, видел угрозу, и действовал прямо и непосредственно. И о деревянных башмаках, сабо. Гаечный ключ в деле. Обезьянья работа. Бунт бессловесных. Маленькие старушки в деревянных сабо.

— Мы знаем, что мы собираемся делать и зачем?

— Нет.

— А нам это важно?

— Мы обдумаем это в процессе работы. Пусть наш опыт сформирует нашу доктрину, чтобы обеспечить точное соответствие теории и практики.

Река в своем неизмеримом величии мягко катила мимо свои воды, шепча о времени, которое, говорят, лечит все. Но все ли? Звезды ласково смотрели вниз. Ложь. Ветер в ивах предлагал уснуть. И видеть ночные кошмары. Смит подбросил ветку принесенной рекою сосны в костер, и скорпион, прижившийся в одной из ее глубоких трещин, проснулся в ужасе. Слишком поздно. Никто не заметил немой агонии. Глубоко в торжественном каньоне, под раскаленными звездами, торжествовал мир.

— Нам нужен проводник, — сказал доктор.

— Я знаю эту страну, — ответил Смит.

— Нам нужен профессиональный убийца.

— Это я, — сказал Хейдьюк. — Убивать — моя профессия.

— У каждого есть свои слабости, — пауза. — Моя, — продолжал доктор, — девицы Баскин-Роббинс.

— Закроем эту тему, — сказал Смит. — Такие беседы не по мне.

— Да я не о людях, Капитан, — сказал доктор. — Мы говорим о бульдозерах. Электрических экскаваторах. Драглайнах. Скреперах.

— Машины, — уточнил Хейдьюк.

Снова пауза в разработке плана.

— Вы уверены, что этот каньон не прослушивается? — спросил доктор. — У меня такое чувство, что кто-то прислушивается к каждому нашему слову.

— Я знаю это чувство, — сказал Хейдьюк, — но сейчас я думаю не об этом. Я думаю, почему ...

— О чем ты думаешь?

— Я думаю: какого хрена мы должны верить друг другу? Я в жизни не видел ни одного из вас до сего дня, мужики.

Тишина. Все трое уставились в огонь. Негабаритный доктор. Длиннющий речник. Грубый тупица из Зеленых беретов. Вздох. Они взглянули друг на друга. И одна мысль: какого черта. И одна мысль: они кажутся мне порядочными. И одна мысль: мужчины — не враги. И женщины. И маленькие дети.

Не один за другим, а в унисон, вместе, как один, они улыбнулись. Друг другу. Бутылка сделала свой предпоследний круг.

— Какого черта, — сказал Смит. — Мы же только болтаем.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 03:58:25

Зверобой обновил 22 апреля 2025 03:58:48